

И.Н. Камардин, Н.Г. Камардин

**ОБЗОР СОСТОЯНИЯ ТРУДОВОЙ ДИСЦИПЛИНЫ НА
ПРЕДПРИЯТИЯХ ПЕНЗЕНСКОЙ, САМАРСКОЙ
СИМБИРСКОЙ (УЛЬЯНОВСКОЙ)
ГУБЕРНИЙ в 1920-е годы.**

Кардинальные изменения в сфере производственных отношений после Октябрьской социалистической революции 1917 г. в России не устранили причин конфликтных ситуаций на предприятиях исследуемого региона. В тоже время, тотальное подавление попыток трудовых коллективов отстаивать свои права, приводило к существованию латентной стадии социальной напряженности на производстве, что проявлялось в формировании негативного отношения к трудовым обязанностям.

Наиболее распространенной формой нарушения трудовой дисциплины являлись прогулы. На протяжении всего исследуемого периода советская власть уделяла большое внимание производственной дисциплине. Причины прогулов в годы гражданской войны скрывались в отсутствие экономических стимулов к труду. Когда работа на предприятиях была не в состоянии обеспечить достойное материальное существование, рабочие в этих условиях вынуждены были искать альтернативные источники существования. По оценке Троцкого, 80% времени рабочий тратил на поиски продовольствия и только 20% на работу¹. В конце 1919 г. – начале 1920 г. выходят декреты народного комиссара труда, суть которых сводилась к поднятию трудовой дисциплины. Так, по декрету СНК РСФСР от 27.IV.1920 г. "О борьбе с прогулами", трудовыми дезертирами объявлялись граждане, уклоняющиеся и оставившие работы, а также уклоняющиеся от трудовой повинности. Постановление предусматривало установление строгого контроля за невыходами на работу и передачу дел в дисциплинарные суды тех, кто не являлся на работу более трех дней в месяц. За один прогул предлагалось производить вычет

из зарплаты в размере 15% месячной, за второй – 25%, а третий – 60%². В конце 1919 г. на крупных предприятиях стали создаваться "товарищеские дисциплинарные суды". Основная масса проходящих дел была связана с прогулами и опозданиями на работу. Необходимо отметить, что в период "военного коммунизма" число прогулов на предприятиях постоянно возрастало, что было связано с ухудшением материального положения рабочих. Так, на Самарском трубочном заводе 22 августа 1919 г. прошло заседание администрации, на котором был оглашен список не выходявших на работу. По мастерской №6 один рабочий не являлся с 12 февраля (т.е. 6,5 мес.), другой рабочий не являлся с марта, трое с апреля³. Исследуя Самарские архивы, удалось выявить данные о состоянии прогулов за неделю работы в августе 1919 г. трубочного завода. По этим данным, процент не явившихся на предприятие был достаточно высок: от 26,3 – 29,7% от всех рабочих дней. Из них по болезни рабочие пропускали от 30 до 40%, но к этим данным, по мнению исследователя, надо относиться достаточно критично⁴, так как в период отсутствия экономических стимулов к труду рабочие нередко прибегали к фиктивным бюллетеням. Так, в Пензенской губ. в 1920 г. отмечалось, что врачи выдают фиктивные бюллетени и удостоверения по болезни, в связи с чем на предприятиях увеличилось число прогулов⁵. Возможно, большое число прогулов по неуважительным причинам и по болезни связано с началом сельскохозяйственных работ по сбору урожая. Для рабочих Среднего Поволжья, получавших неполный паек, а к тому же с задержками, помощь из села играла первоочередную роль. Прогулы по неуважительным причинам являлись достаточно устойчивым явлением. Из всех зафиксированных неявок они составляли около 40–48% дел. Количество прогулов по неуважительной причине в середине недели было наименьшим. Основная масса прогулов приходилась на начало и конец недели. Рабочие совмещали прогульные дни с выходными и уезжали в деревню с целью запастись более дешевыми продуктами питания. По данным, полученным с

Пензенского трубочного завода, можно сделать вывод, что в наименьшей степени в 1920 г. прогулам были подвержены служащие, около 10–20% прогулов в месяц от всех рабочих и служащих. Затем шли квалифицированные рабочие, прибывшие из центрально-промышленных районов страны – от 10–70% прогулов в месяц. У неквалифицированных рабочих прогулы составляли от 25–75% в месяц⁶. Из полученных данных можно сделать вывод, что к прогулам в большей степени тяготели неквалифицированные рабочие, рассматривающие производство как средство наживы.

По данным из Симбирской губ. можно судить о состоянии прогулов среди рабочих различных отраслей. Неявок на работу больше всего было зафиксировано среди кожевников – 38,4 дня в год, печатников и работников коммунального хозяйства – 38. Причиной прогулов среди кожевников служило существование частных нелегальных мастерских, где заработок рабочих в несколько раз превышал заработок, полученный на государственных предприятиях. Так, в Самаре 1921 г. даже в кожевенных мастерских военного ведомства, несмотря на строгий режим, отмечалось "бегство" рабочих, неявка на работу стала обыденным явлением. Прогулы ежедневно насчитывались десятками⁷. Массовые прогулы среди печатников и коммунальщиков были связаны с получением мизерной зарплаты и пайка. Так, Пензенские коммунальщики получали 40% от средней заработной платы, зафиксированной по губернии⁸. Прогулы по неуважительным причинам наибольшей популярностью пользовались среди строителей и текстильщиков. Предприятия текстильной промышленности и строительные объекты находились в отдаленности от крупных городов, где можно было бы получить медицинское освидетельствование о болезни и приобрести нужные товары. Наиболее болезненными отраслями были печатники, работники коммунального хозяйства и кожевники. О причинах возможных прогулов говорилось выше. Следует также обратить внимание, что число прогулов росло пропорционально увеличению числа работающих на предприятиях. В Симбирской губ. в 1920 г. на

предприятиях, насчитывавших до 50 рабочих, на каждого рабочего приходилось 3,4 прогула, на предприятиях от 51 до 500 рабочих – 4, а свыше 500 рабочих – 5,6⁹, что было связано с возможностью на крупных предприятиях легче избежать выхода на работу путем передачи своих карточек другим рабочим для их отбивания. В таких условиях партийное руководство, пытаясь сохранить наиболее важные производства, вынуждено было пойти на милитаризацию производства. В январе 1920 г. на Пензенском трубочном заводе в виду массового поступления заявлений об увольнении и отгулах в условиях нехватки рабочей силы на предприятиях решено было никого не увольнять, а отгулы предоставлять в исключительных случаях¹⁰.

В 1921 г. из-за отсутствия продуктов и сырья прогулы захлестнули все предприятия региона. В таких условиях рабочие вынуждены бросать работу и своими средствами добывать продукты питания. Так, Пензенский трубочный завод 21 мая 1921 г. вынужден был остановиться из-за неявки на завод более половины рабочих¹¹. В Симбирске патронный завод не работал по той же причине 14 июня 1921 г.¹² Высокие цены на рынках делали недоступными продовольственные товары. Рабочие бросали работу, уходили на полнедели в окрестные села за дешевыми продуктами. За исследуемый период такого большого количества прогулов зарегистрировано не было.

Для предотвращения полной остановки предприятий нужна была экономическая система, которая регулировала бы побудительные мотивы к труду и задействовала самый мощный из них – материальный интерес. Но под влиянием экстремальной обстановки гражданской войны, разрухи, голода сложилась противоположная система, гасившая всякое желание трудиться. Старая дисциплина труда, державшаяся на "хозяйском глазе" и экономическом принуждении к труду, рухнула. Новая, основанная, как предполагали руководители большевистской партии, на сознательности рабочих, не сложилась. Система тарифов, разработанная профсоюзами, не могла служить интересам наведения строгого порядка на предприятиях. В этих

условиях для укрепления дисциплины рабочих применялись в основном административные меры. Командные методы поддержания производственной дисциплины рождались не только военными условиями, хотя они оказывали свое влияние на их утверждение. Принудительный труд вырос из уравниловки, из отсутствия экономических стимулов, из того, что сплошь и рядом фабричным заработком нельзя было обеспечить жизнь. Труд на фабриках и заводах становился невыгодным в материальном отношении и в тоже время требовал большой затраты сил. Государство и профсоюзы, не сумев обеспечить материальной заинтересованности в труде, все больше принуждали к нему рабочих.

Реформирование централизованно-плановой экономической системы в 1920-е годы не привело к укреплению трудовой дисциплины рабочих государственной промышленности. В условиях, при которых заработная плата и материальные факторы жизни слабо зависели от результатов труда рабочего, когда администрация предприятий формально занималась социальными вопросами, бытом людей, трудно было рассчитывать на сознательное и добросовестное отношение работников к своим обязанностям. Вместе с тем неверно говорить, что столь плачевная картина отмечалась в течение всех 20-х годов. До середины 20-х годов, когда еще сказывалась определенная либерализация централизованно-плановой экономической системы, в области трудовой дисциплины проявлялось достаточно много положительного. Наблюдались активность и инициативность людей, стремление эффективнее использовать производственное время. В связи с этим отмечалась тенденция сокращения прогулов на предприятиях. Так, в Пензенской губ. в год на одного рабочего приходилось по не уважительным причинам в 1921 г. – 17 прогулов, в 1922 г. – 6,6, в 1923 г. – 3, в 1924 г. – 2,7¹³. С улучшением материального обеспечения рабочих уменьшилось и число прогулов, возникших по болезни. Так, если рабочие Пензенской губ. в год из-за болезней пропускали в 1920 г. – 42,4 дня, то в 1921 г. – 24,5, в 1922 г. – 14,9, в 1923 г. – 13,4, в 1924 г. – 13,6. Незначительное увеличение

прогулов приходилось в весенние месяцы, в связи с распространением респираторных инфекций. В Самарской губ. данные о прогулах выявлены за 1924 г.: в среднем на одного человека приходилось проработанных – 253 дня при 65 праздничных и 47 прогулах (12,8%)¹⁴. Расхождение данных с Пензенской губернией связано с рядом обстоятельств. Во-первых, в данные по Самарской губ. не вошли в отчеты о прогулах служащих и рабочих частных предприятий, где число прогулов было значительно ниже, чем на государственных предприятиях. Во-вторых, в данные о прогулах в Самарской губ. вошли невыходы на работу по уважительным и неуважительным причинам.

Определенный перелом в отношении прогулов произошел в 1925/26 хозяйственный год. Обозначились тенденции отрицательного характера, стало больше прогулов, трудовой неорганизованности на предприятиях. По данным Пензенской губ., число прогулов по неуважительным причинам в 1925 г. составило в год на одного рабочего – 3,9 (т.е. увеличилось на 31%), в 1926 г. – 2,7. В этот период произошло много неявок на работу по болезни. Так, если в Пензенской губ. в 1924 г. за год на одного рабочего приходилось 13,6 неявок, то в 1925 г. – 14,4, в 1926 г. – 15,1¹⁵. Возможно, увеличение числа заболеваний связано с ростом интенсификации труда и ухудшением бытовых условий. На Пензенском трубном заводе прогулы составляли в 1925 г. 12–15% рабочего времени¹⁶.

В частном секторе количество прогулов насчитывалось значительно меньше. Самарская губернская газета "Коммуна" в 1926 г. сообщала, что если на государственных предприятиях прогулы составляли – 9,5%, в кооперативных – 8,4%, то на частных – 5,3%¹⁷. Разница в прогулах на предприятиях различной формы собственности связана с различными методами начисления заработной платы. На частных предприятиях материальное вознаграждение было не только выше, но напрямую зависело от успешной выработки продукции.

Наибольшее число прогулов имело место среди неиндустриальных союзов. Так, в Самарской губ. с 1923 г. по 1929 г. лидирующими отраслями по прогулам были рабочие, связанные с обработкой минералов и пошивом одежды и тканей¹⁸. В Ульяновской губ. лидерами по прогулам были рабочие, связанные с обработкой дерева: 1925 г. – 2,4% прогулов по неуважительным причинам, 1926 г. – 4,6¹⁹. Лидерство выше обозначенных отраслей в прогулах связано с преобладанием среди них малоквалифицированных рабочих. Каждый из них не обладал фабричными навыками, не владел поначалу профессиональным мастерством. Партийно-государственный аппарат именно в этом усматривал основные причины недостаточно высокой дисциплины труда²⁰.

В середине 20-х годов существенным сдерживающим фактором, повлиявшим на трудовую дисциплину, выступали задержка выплаты заработной платы и резкое повышение расценок. Во второй половине 20-х годов в связи с трудовой дисциплиной находится дефицит продуктов и предметов первой необходимости. Люди простаивали в очередях за продуктами питания, задерживались в медицинских учреждениях из-за отдаленности последних от расположения предприятия, у многих работников жилье находилось на большом расстоянии от места работы²¹. Одним словом, не только уровень заработной платы, но и социально-бытовая неуверенность существенно влияла на состояние трудовой дисциплины. Естественно, рабочие на такие явления реагировали негативно, определенным образом их отношение проявлялось в производственной дисциплине²².

Наиболее распространенным негативным явлением, влиявшим на производственную дисциплину, являлось пьянство. Оно оказало огромное влияние на поведение рабочих на производстве и дома. С ростом потребления алкоголя увеличивалось пассивное отношение к труду. Употребление спиртных напитков отвлекало материальные средства из семейного бюджета, тем самым вызывая негативное отношение членов семьи.

Советская власть поначалу вообще не собиралось заниматься продажей спиртного на государственном уровне. Несколько нормативных актов периода "военного коммунизма", в частности декрет "О предоставлении народному комиссару продовольствия чрезвычайных полномочий по борьбе с деревенской буржуазией, укрывающими хлебные запасы и спекулирующими ими" (май 1918 г.) и декрет "О воспрещении на территории РСФСР изготовления и продажи спирта и не относящихся к напиткам спиртосодержащих" (дек. 1919 г.) были скорее продолжением политики тотальной национализации всех видов производства. Несмотря на то, что в стране действовал сухой закон, введенный еще в 1914 г. и фактически подтвержденный большевиками в 1919 г., население страны вовсе не собиралось отказываться от спиртных напитков. В отсутствие свободной продажи водки процветало самогоноварение. Так, летом 1919 г. на ст. Сорочинской Самаро-Златоустовской ж/д. ЧК обнаружила пьяную кампанию, употреблявшую самогон²³.

С окончанием гражданской войны в среде фабрично-заводских рабочих стали возрождаться забытые в период военного коммунизма обычаи бытового пьянства: традиция "первой полочки", с которой необходимо было напоить коллег по работе, "обмывание нового сверла", "спрыскивание блузы" и т.д. Возобновилась традиция походов в гости. В гости ходили по праздничным общепринятым числам. В 1920-е годы их было немало. Выходными днями по-прежнему считались 12 религиозных праздников. Активно стали отмечаться и новые советские праздники: 7 ноября, 1 мая и т. д. Культура проведения и религиозных, и революционных торжеств была одинаковой: приготовление праздничной еды, прием или посещение гостей. Гостевые визиты, по данным С.Г. Струмилина, в 1913–24 гг. являлись самой распространенной формой проведения досуга всех слоев городского населения России и сопровождалась употреблением водки.

Огромные массы необходимого стране зерна и сахара пожирались "зеленым змием". Так, по данным партийных

органов Самарской губ., 75% населения гнали самогон, за 1923 г. было изъято 1813 самогонных аппаратов. Проанализировав ситуацию, руководство партии и государство в 1924 г. приняло решение о возобновлении производства и продажи спиртных напитков. Ситуация усугублялась еще и тем, что вино-водочные изделия, продававшиеся населению, приносили государству немалый доход, который затем шел на нужды индустриализации.

"Рыковка" появилась осенью 1925 г., после принятия декрета СНК СССР от 28.VIII.1925 г., по которому в органах госторговли разрешалось продавать водку. После выхода постановления повсюду стало отмечаться сильный рост пьянства среди рабочих. Так характеризовалось положение на писчебумажной фабрике в Пензенской губ. "Маяк революции": "Пьянство охватило всех трудящихся завода, встретить трезвого стало большой редкостью"²⁴. Потребление алкоголя рабочими с 1924 по 1928 г. увеличилось в 8 раз. По материалам обследования 1927 г. в крупных городах европейской части РСФСР расходы на пиво и вино только у молодых рабочих составляли 16-17% заработка, что в полтора раза превышало затраты на книги²⁵. Так например, в 1924 г. рабочие Ульяновска на пищу тратили 26,6 руб. ежемесячно и 5,75 на выпивку (т.е. 4,6 раза меньше), в то же время американские рабочие на выпивку тратили в 6,2 раза меньше чем на питание²⁶. Росту алкогольного потребления способствовала практика изменения цен. С 1925 г. по 1927 г. цены на водку снизились на 34%, на вино – на 41%, на пиво – на 37%. Отдых рабочих в большинстве случаев был связан с выпивкой. Так рабочие Литвиновской суконной фабрики Пензенской губ. "Творец рабочих" после работы отправлялись в лес пьянствовать, во время чего обсуждают внешнюю и внутреннюю политику советской власти²⁷.

Подобные случаи чаще всего отмечались среди неквалифицированных сезонных рабочих. Так, осенью 1925 г. Лесозавод №3 Самарской губ. часто останавливался из-за пьянства целой смены. Уволить пьющих рабочих не удавалось

ввиду систематического пьянства администрации предприятия²⁸. В наибольшей степени пьянство процветало в дни полудня. На следующий день отмечалось увеличение прогулов, когда после похмелья болела голова. Рабочие пивоваренного завода в Самаре нередко пропивали весь заработок в 120–140 руб.²⁹.

Наиболее активно употребляли спиртные напитки рабочие-выходцы из деревни 1900–1908 года рождения. Пьянство среди рабочих вело к снижению производительности труда и нарушению трудовой дисциплины.

В перечне причин нарушений трудовой дисциплины правомерно выделить и те, что носили морально-этический характер. Подразумеваются складывающиеся взаимоотношения между рабочими коллективами и административным корпусом. Грубость, игнорирования требований рядовых участников производства, высокомерие – эти и другие подобные качества имели достаточно распространенный характер в административной среде. Так, в Самаре на заводе им. Троцкого в 1923 г мастер Тарасов обзывал рабочих сволочами и свиньями³⁰. Рабочие Пензенского трубочного завода жаловались на грубость заведующего, который их выгонял из кабинета³¹.

В архивных документах упоминаются случаи, когда произвол администрации сопровождался мордобоем рабочих³². Не редкостью были случаи превышения власти администрации по отношению работающим на производстве женщинам. Так, в Пензенской губ. на Литвиновской суконной ф-ке ткачихи выражали недовольство по отношению к помощнику матера, который проявлял большую браковку к работницам, не отвечавшим на его любезности. Нередко невнимательное отношение, а порой и грубое обращение администрации способствовало разрастанию конфликта. Невыполнение распоряжений администрации и случаи оскорбления, угроз и запугивания, избиений технического персонала носило в конце 20-х годов на всех предприятиях страны массовый характер³³.

Таким образом, отсутствие реальных материальных стимулов к труду, и неспособность советских властей конструктивно разрешать возникающие на производстве конфликты приводило к формированию пассивного отношения трудящихся производству. В годы гражданской войны на состояние производственной дисциплины оказало влияние отсутствие материальной заинтересованности, а также жесточайшие подавления каких либо открытых конфликтов. Эти факторы порождали негативное отношение к производству, переходящее порой к индивидуальным нарушениям трудовой дисциплины. Внедрение в экономику страны рыночных отношений повысило заинтересованность рабочих в результатах своего труда. На производстве резко сократились число прогулов и опозданий. Но в то же время проблема негативного отношения к труду продолжала существовать. На предприятиях в условиях проведения на производстве кампании по рационализации и интенсификации труда актуальность приобретают нарушения трудовой дисциплины, которые выразились не только в прогулах, но и пьянстве, халатном отношении, оскорблении администрации и инженерно-технических работников. Подобное стало возможно в условиях неспособности трудящихся добиться изменения несправедливого положения через конфликтные органы.

Примечания

¹ Киселев А.Ф. Профсоюзы и советское государство 1917 – 1920 г. – М., 1991. – С. 146.

² СУ. РСФСР. 1920. №36. С. 172, ГАЛО. Ф. Р.2. Оп. 1. Д. 121. Л. 20–21.

³ ГАСО. Ф. Р.2934. Оп. 1. Д. 530. Л. 28.

⁴ ГАСО. Ф. Р.2934. Оп. 1. Д. 530. Л. 1–30.

⁵ ГАПО. Ф. Р.324. Оп. 1. Д. 360. Л. 47.

⁶ ГАПО. Ф. Р.324. Оп. 1. Д. 810. Л. 12–15.

⁷ Коммуна. 1921 г. 10 августа – №235.

⁸ Сборник статистических сведений по Пензенской губернии 1920–1926 г. – Пенза. – 1927. – С. 312–313.

⁹ Материалы по статистике труда Симбирской губернии. – Симбирск. – 1921. Вып. 2. – С. 17.

- ¹⁰ ГАПО. Ф. Р.471. Оп. 1. Д. 113. Л. 2.
- ¹¹ ГАПО. Ф. Р.324. Оп. 1. Д. 822.
- ¹² РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2621. Л. 29.
- ¹³ Сборник статистических сведений по Пензенской губернии 1920–1926 г. – Пенза. – 1927. – С. 312–313.
- ¹⁴ Коммуна. – 1925. 12 апреля. – №1896.
- ¹⁵ Сборник статистических сведений по Пензенской губернии 1920–1926 г. – Пенза. – 1927. – С. 312–313.
- ¹⁶ ЦДНИ УО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1013. Л. 139.
- ¹⁷ Коммуна. – 1926. 6 августа. – №178.
- ¹⁸ Основные показатели Средне-Волжской области. – Самара. – 1929. С. 58–59.
- ¹⁹ Труд в Ульяновской губернии 1925–1927 гг. – Ульяновск. – 1928. С. 10.
- ²⁰ Лютов Л.Н. Государственная промышленность в годы НЭПа. Саратов. – 1996. – С. 288.
- ²¹ ГАРФ. Ф. Р.5451. Оп. 12. Д. 433. Л. 7 об.–8.
- ²² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 67. Д. 370. Л. 4.
- ²³ ГАСПИ СО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 83. Л. 6 об.
- ²⁴ Трудовая правда. – 1928. 16 июня. – №131.
- ²⁵ Ларин А. Алкоголизм промышленных рабочих и борьба с ним. М. – 1929. – С. 7–8.
- ²⁶ Пролетарский путь. – 1924 г. 16 мая. – №110.
- ²⁷ ГАПО. Ф. Р.2. Оп. 4. Д. 266. Л. 542.
- ²⁸ ЦДНИ УО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1013. Л. 140.
- ²⁹ ГАСПИ СО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1707. Л. 34.
- ³⁰ ЦДНИ УО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1013. Л. 58.
- ³¹ ГАСПИ СО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1013. Л. 140.
- ³² Коммуна. – 1923. 8 декабря. – №1493.
- ³³ ГАПО. Ф. Р.2. Оп. 4. Д. 224. Л. 741; ГАПО. Ф. Р.510. Оп. 1. Д. 35. Л. 45.
- ³⁴ ГАПО. Ф. Р.424. Оп. 1. Д. 104.Б. Л. 32.
- ³⁵ ГАПО. Ф. Р.2. Оп. 4. Д. 226. Л. 196.
- ³⁶ ГАРФ. Ф. Р.5451. Оп. 12. Д. 462. Л. 6.